

Невычеркнутое имя

Афонские рассказы

Сколько раз игумен старого святогорского монастыря Филофей убеждался в том, что его братья неисправимы; как законный глава обители, он не мог ничего сделать с непокорными насельниками. Если он шел им навстречу, они еще больше садились на голову, если же применял какие-нибудь карательные меры, братья начинали чуть ли не бунт – саботировали послушания и, кучкуясь, обсуждали очередную его «выходку».

Игумен Андрей ходил ко всем афонским старцам с просьбой о помощи; они, конечно, сочувствовали, но боялись вмешиваться в этот конфликт и говорили общие слова о смирении, терпении и послушании. Но даже все старцы мира не могли угасить возрастающую взаимную неприязнь его и братии. Это все из-за отца Эмилиана, думал игумен.

Отец Эмилиан был прежним игуменом обители, он был учеником одного известного пустычника и управлял Филофеем мудро и справедливо. Все любили его и почитали за прозорливого старца. Три года назад ему явилась в тонком сне Божия Матерь и повелела оставить Афон и перебраться в Соединенные Штаты. В этой мекке демократии греческая диаспора была третьей по своему влиянию, после еврейской и армянской. Игумен посоветовался со святогорскими духовниками и исполнил волю Пресвятой Владычицы. Сегодня отец Эмилиан основал в Штатах около двадцати монастырей и являлся непререкаемым духовным авторитетом для православных всех народов. Монастырские братья все время сравнивали отца Андрея с этим великим старцем, и понятно, что сравнение было явно не в его пользу.

Отец Эмилиан был ему больше, чем родитель, Андрей выполнял все, что тот ему говорил, значительно преуспевая в послушании. Перед своим отъездом в Штаты игумен созвал братию и сказал:

– Отцы, меня ждет новое послушание, но вы не скорбите, я все равно буду за вас молиться и считать вас своими братьями и духовными чадами до самой смерти, – старец указал на него. – Вы все знаете отца Андрея. Его добродетели и благоговение к святыне истине велики. Оставляю вам его за игумена, как слушались меня, так слушайтесь и его, не перечьте ему и не вставляйте палки в колеса, так как он для вас теперь законный игумен по воле Самой Матери Божьей.

Вначале братья даже с радостью приняли новое назначение, так как любили отца Андрея за кротость, природное миролюбие и почитание старших, но уже через месяц начали роптать на него.

– Что это за нововведение, братья? – старый отец Филагрий обратил внимание на новый порядок чтения в трапезной. – Андрей самочинник! Эмилиан бы такого никогда себе не позволил!

С тех пор братья, особенно старые монахи, стали подмечать его отступления на каждом шагу, но настоящая битва разгорелась по вопросу из-за так называемой керазмы, порусски – угощения.

По афонскому типикону, братья могли есть всего два раза в день, но в современном мире аскетизм не в чести, и монахам трудно удержаться от тайноядения – греха, который заключается в том, что ты ешь пищу один в своей келье и без благословения. Чтобы пресечь этот грех, во многих афонских монастырях ввели керазму – попросту говоря, чай с различными сладостями. Керазма была всегда в определенное время и благословлялась иеромонахом. Все были довольны, но после этого любое тайноядение считалось великим грехом. Отец Андрей всегда помнил случай, после которого авторитет его старца поднялся на недостижимую высоту.

В их обители сохранилась древняя святогорская традиция: игумен являлся в то же время и духовником. И, как духовник, он имел право налагать, в отдельных случаях, епитимью. В Филофее был принят обычай публичного покаяния, когда провинившийся брат падал ниц перед выходящими после вечерни из храма отцами и вслух просил прощения за свой грех.

Однажды отец Эмилиан узнал на исповеди от одного брата, что тот, несмотря на законную керазму, тайно ест «далмадаки» – голубцы, завернутые в виноградные листья.

– Что ж ты, брат? Разве тебе не хватает трапезы и керазмы? – игумен пытался исправить брата-чревоугодника.

– Хватает, – этот брат только недавно пришел из мира, и, чтобы его пообтесать, нужно было много смирения, терпения и старания.

– Ну, тогда вот что! – игумен сделал нарочито недовольное лицо. – Сегодня после вечерни будешь делать метания перед отцами, говоря: «Простите меня, отцы и братья, я чревоугодник». Тебе понятно?

Послушник оказался, однако, твердым орешком:

– Понятно, отец игумен, вот только я этого делать не буду. В других монастырях это не принято.

– Как так? – отец Эмилиан думал, как ему поступить в такой ситуации. С таким наглым противодействием своей игуменской воле он еще не сталкивался. С одной стороны, он, как пастырь своих овец, не имел права позволить, чтобы такая дерзость сходила с рук, с другой – игумен чувствовал, что послушник подумывал, как бы уйти из монастыря, и поэтому сам провоцировал конфликт. Но все же отцу Эмилиану было открыто, что этот послушник попал на Святую гору не случайно, и в будущем ему предстояло стать серьезным хорошим монахом. Поэтому он решился на необычный поступок.

Послушник после своего наглого выпада ожидал, что игумен накричит на него или прогонит прочь, но каковы же были его удивление и растерянность, когда отец Эмилиан ласково отпустил его, а вечером сам лично взял на себя его грех. После вечерни он пал ниц перед выходящими на трапезу братьями и прилюдно просил прощения.

Это так поразило послушника, что тот после этого совсем исправился и перестал нарушать волю отца Эмилиана, также и остальные братья убедились в святости своего игумена.

Правда, после святого игумена ни один другой не стоял в их глазах так высоко. Отец Андрей на каждом шагу слышал, как братья сравнивают его с прежним игуменом и хулят его поступки. Особенно они настроились против него, когда он решил отменить керазму. Дело в том, что после отъезда отца Эмилиана керазма постепенно превратилась в настоящий праздник живота. Простой неприветливый чай с лукумом и пряниками вырос в пиршество со всевозможными тортами и сладостями, на которые только способен греческий кулинарный гений.

Случалось, что некоторые монахи объедались так, что потом долго мучались животом. Отец Андрей посоветовался по телефону со старцем Эмилианом, и тот благословил его упразднить керазму.

Сообщив на вечерней трапезе о своем решении, игумен столкнулся с противодействием братии, особенно стариков, которые с того времени стали

писать на него кляузы старцу в Америку. Борьба за керазму длилась два года и закончилась победой братьев.

Игумену пришлось идти на уступки. Правда, керазма теперь проводилась три раза в неделю, но количество на ней тортов и пирожных только увеличилось.

Отец Андрей с тоской вспоминал те дни, когда он был простым иеромонахом, служил в свою череду и молился в келье, с тихой и спокойной совестью. А теперь все эти скандалы смущали его душу, делали характер жестче, и молиться было все труднее и труднее. Все чаще отец Андрей звонил своему духовному отцу в Америку и «плакался в жилетку», просил его, чтобы он освободил его от тяготящего душу послушания. Старец всегда убеждал его терпеть и не оставлять своего места. В последний раз между ними произошел достаточно напряженный диалог:

– Отец Андрей, терпи, дорогой, Бог тебя в скором времени вознаградит за твое смирение, – голос старца был, как всегда, мягким и непринужденным.

– Отец Эмилиан, я так больше не могу! Молитва не идет, и у меня нет никакого авторитета перед братьями, они... они презирают меня.

– Через «не могу». Андрей, братья уже привыкли к тебе, если поставишь другого, будет еще хуже, – старец всегда мог примирить его с собой и утешить в трудную минуту. Но последний разговор оказался неудачным.

Отец Андрей почти бросил трубку – его нервная система была на грани срыва. Он был достаточно добрым и неконфликтным человеком, вывести его из себя было задачей не из легких. Но сейчас он уже был не в состоянии хранить мир, сейчас он хотел только одного – оставить свое игуменство. Митрополит с его родины – Волоса знал о его проблемах и давно звал его к себе в секретари. Отец Андрей любил монастырь и старца Эмилиана, но сомневался в целесообразности своего пребывания на игуменском посту. Он уже подумывал, что принять предложение митрополита – не самый худший выход из создавшейся ситуации.

Однажды, после неприятного спора с экономом по какому-то пустяковому поводу, терпение отца Андрея лопнуло. Неожиданно ему стало вдруг спокойно и даже весело. Все! Он уходит со своего поста. Несмотря на постановление собора и благословение старца. Он уходит.

Сообщив свое решение братьям и отцам обители, он позвонил в Протат и долго выслушивал вразумление Прота о том, что не подобает оставлять по своей воле возложенное Церковью служение. Он в сотый раз услышал притчу Господню о нерадивом слуге, зарывшем свой талант в землю, но это уже не помогало. Он

принял решение, и он его осуществит. Прот, перед тем как разговор закончился, сказал, что его отставка не будет принята еще в течение недели.

Отец Андрей, подчиняясь монастырскому уставу, ничего не взял с собой, кроме некоторых личных вещей; попрощался с братьями и отцами, которые, казалось, были расстроены таким поворотом событий и упрашивали его остаться. Он извинился и попросил у братии прощения. Весь Филофей провожал его до машины.

Монастырский шофер довез его до Дафни, и – уже бывший – игумен ждал, когда подойдет паром и он отправится на большую землю.

Игумен стоял и вспоминал свое беззаботное послушничество. Неожиданно он увидел, что рядом на скамеечке сидит необычного вида женщина, благородная и с царственной осанкой, одетая во все черное, и записывает что-то в толстую тетрадь. Отец Андрей не страдал любопытством, но здесь он не смог удержаться и подошел к ней:

– Простите меня, а что это вы записываете?

Женщина посмотрела на него и указала на подплывающий к пристани паром:

– Сегодня из Уранополи на этом пароме на Афон приехало два человека, которые хотят здесь остаться до самой смерти. Я записываю их в свой журнал.

Отец Андрей посмотрел, как она записала два имени, а затем вычеркнула большим зеленым карандашом какие-то другие имена.

– А почему вы вычеркнули другие имена?

Женщина закрыла тетрадь и ответила:

– Это те монахи, которые готовы были терпеть искушения до самой смерти, но, увы, не выдержали испытаний и решили покинуть гору по собственной воле. Их имен больше не будет в моем журнале, – и она всем своим видом показала, что не намерена больше продолжать разговор.

Игумен задумался и отошел к парому, который уже подплыл и выпускал паломников, монахов и автомобили. Он подумал, что вот, сейчас на святую землю Афона приехали еще два подвижника, которые посвятят свою жизнь Христу и Матери Божьей.

Вдруг, как молнией, ударило в голову: а откуда здесь, на Святой горе, женщина?! Отец Андрей быстро развернулся и пошел к той скамейке, но уже никого на ней не обнаружил. Лишь вокруг было разлитое необычайное благоухание.

– Пресвятая! – монах стоял в изумлении перед этим явлением. Паром уже собирался отплывать, но отец Андрей остался на берегу. Игумен внял предостережению Владычницы и своим ходом вернулся в Филофей.

Братья приняли его, на удивление, ласково и приветливо. Отец Андрей вновь принял игуменство и с тех пор относился к благословию своего старца с еще большей верой и благоговением.

Станислав СЕНЬКИН